

Е.Н. Бескровная

ЖЕНСКАЯ ТЕМА В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Женская тема в еврейской литературе, волновавшая интеллигенцию на протяжении существования всего человечества, связана с основным вопросом философии, переходящим с уровня гносеологии на уровень антропологии. Вопрос происхождения человека волновал не только естественные науки, но является фактически основным и судьбоносным в решении вопроса о том, какими качествами должен быть наделен человек. При этом талмудическая заповедь заповедь «Спасаящий одну человеческую душу – спасает весь мир» в иудаизме набирает старую и новую силы посредством образа женщины.

Тема индивидуального женского восприятия действительности получает свое выражение еще в библейский период истории еврейского народа. Наиболее ранним источником, первым источником «возведения забора вокруг Торы» была именно «Песнь Деворы», созданная в самый древний период еврейской истории, в эпоху объединения еврейского народа в борьбе против ханаакеев.

Позднее женская тема отражается еще в одном произведении Библии – «שיר השירים» (Песнь Песней).

Библейский этап истории развития еврейского народа характеризуется не только завершающей стадией перехода от матриархата к патриархату, но и восприятием женщины не только как символа первоосновы мира, но и как символа любви.

В начальных строчках «שיר השירים» сказано:

שיר השירים אשר לשלמה: ישקנע מנשיקות פיהו כי טובים דדיך מיין: לשיח שמגיד טובים שמן
תודק שמך על-כן עלמות אהבוך משכני אחרוך נרוצע הביאני המלך חדריו נגילה ונשמחה בך
נזכירה דריך היין מישרים אהבוך (שיר השירים, 1, 4-1)

(Песнь Песней Соломона: Моя женщина служит мне Соломону на моем пути. Посмотрите на солнце лучшее, солнце богослужения, солнце жены моей. Убедительно и для граждан страны моей и достаточно, чтобы воспеть ее в Песне. – перевод мой Бескровная Е.Н.)

В последствии, в годы изгнания и пребывания еврейского народа за пределами Эрец Исраэль был создан образ земли Израиля – невесты.

Именно этот факт послужил основой для трактовки образа женщины как земли Израиля в мировой литературе. Но особенно за тема получила свое яркое развитие в еврейской литературе средневековой Испании в 13 веке.

Особенно это четко видно на примере поэзии Иегуды Галеви, который буквально в коротких четверостишиях по-своему, по-мужски воспел женскую любовь:

Ты своею пленила меня красотой
И в темницу навек заточила рабом,
С той поры как пришлось нам расстаться с тобой

Нет подобья тебе в этом мире земном. [3, с.92]

Главной особенностью поэзии Иегуды Галеви является то, что его стихотворения становятся притчами и женская поэзия в этом случае не является исключением:

В кругу друзей меня красавица спросила:

«Которая из нас тебя свела с ума?»

- Когда же меч ты у мечты моей отнимешь,

Ответ на свой вопрос найдешь сама. [3, с.113]

Не спрашивай скоро ль рассвет, ведь она

Тебя не спросила: «Взошла ли луна». [3, с.76]

Также особый интерес представляла в отношении женской темы и поэзия Иегуды Алхаризи, в которой элементы арабской поэзии тесно переплетаются с элементами средневековой еврейской поэзии и фактически восходят к библейскому стиху «Песни Песней»:

В дом любви привела меня девушка эта,

Непорочна она и чиста была как Абилайль,

И как только она уронила вуаль

Стало в комнате темной просторно от света.

Все вокруг задрожало и в танце шальном закружилось

От ее красоты и Эстер бы себя устыдилась.

Я подумал: «Теперь наши тайны раскрыты»,

Но лишь руку она протянула, как в землю я врос,

И окутал меня водопад ее черных волос,

День пропал, ночью долгою смытый. [2, с.98]

Вместе с тем факт пребывания народа в изгнании находит отпечаток в индивидуальном видоизменении образа женщины.

Это очень хорошо видно на примере повести Шолом-Алейхема «Стемпеню», фактически воспевающей хасидизм в еврейской литературе:

"אך, איך פיל, אז מיין פעדער איז שוואך צו באשריבן, וויאזוי סטעמפעניו האָט באזעצט א קאלע!
 דאָס איז ניט געווען גלאַט אזוי געשפּילט, גערימפּלט, דאָס איז געווען אַ מיין "אוויידע", אַ גאָטס
 רינסט מיט עפעס זייער אַ הויכן געשפּילט, מיט עפעס זייער אַן איידעלן גניסט! סטעמפעניו האָט
 זיך אוועקגעשטעלט אַקעגן דער קאלע און האָט איר געהאלטן אַ דראָשע אַפּן פּידל, אַ שיינע
 לאַנגע דראָשע, אַ רינדימע דראָשע, איבער דעם פּרזי און גליקלעך לעבן פּון דער קאלע ביז אַהער,
 פּון דער מיידלן שטאַנד, און איבער דעם פינצטערן, ביטערן לעבן, וואָס ער וואָרט זי אַפּ שפּעטער,
 שפּעטער! – אויב מיידל! איבער געדעקט דעם קאָפּ, פאַרשטעלט די שיינע לאַנגע האָר אַפּ
 אייביק...ניטאָ די פּריילעכקייט! זיי געזונט, יונט, אָט ווערסטו אַ ירענע!... עפעס זייער נישט
 פּריילעך, גאָט זאָל נישט שטראָפּן פאַר די רייד!..."

Ах, я играю, и моему перу трудно описать, как Стемпеню усаживал невесту!
 Это не просто и достойно игры, достойно прославления. Спросите «Почему».
 Даже Бог не знает, почему он сочинил эту высокую песню, и эта Агада
 продолжает свой путь. Стемпеню становится позади невесты и начинает свою
 проповедь на скрипке, хорошую длинную проповедь, о женской судьбоносной

жизни, которая ждет невесту потом, когда она снимет фату невесты, и о двенадцати годах жизни, которые были так легки, так легки! – Ой девушка, снимут с головы твои длинные волосы, а потом... Не до радости... Прощай молодость, которая не вернется!... Повесть печальная, сам Бог растрогался и потерял речь... (перевод мой – *Бескровная*)

В последствии именно о значении женской темы в еврейской литературе и ее отражении с позиции хасидизма писал М.Лазарев в статье: «О роли любви в еврейской художественной литературе»:

«Что такое исключительное отношение еврейских писателей в области половой любви не может быть объяснено ни расовыми особенностями еврейского народа, ни особенностями социального положения еврейской женщины, ни даже особенностями патриархального быта в еврейской массе, достаточно ясно из сопоставления с таковыми же особенностями близких евреям народов, как арабы и другие восточные племена, у которых женщина занимает более низкое социальное положение и бытовой строй которых во взаимных отношениях между полами во многом представляет еще более патриархальные черты, чем у евреев. Между тем поэзия этих народов, начиная с народных сказок «Тысячи и одной ночи» и кончая Газифом, вся сплошь посвящена женщине и чувству половой любви. Причины лежат в исторических судьбах еврейского народа, в его многовековом мартирологе, в заставляющем евреев устремляться от земного к небесному, ценить только духовную сторону человеческого существования, с пренебрежением относиться ко всему земному...» [1, с.101]

Вместе с тем такой мужской взгляд на вещи во многом вызывал отторжение в женской еврейской литературе, так как сквозь призму бытового хасидизма, который характеризовал еврейский кагал 17-19 веков в России, здесь просматривал взгляд на женщину, связанный с глубоким изучением Вавилонского Талмуда, переросшим в XX веке в понятие психологии.

Именно вопрос женщины и ее возможности любить поднимается в произведениях еврейских писателей конца XIX – начала XX века.

На наш взгляд эта тема достигает своего апогея в рассказе известной только еврейской интеллигенции писательницы Дворы Барон (1887-1956). Рассказ «Развод» это как раз и есть то психологическое описание чувств, которые переживает женщина, получившая развод. Именно точка зрения бытового хасидизма присутствует здесь так как во всех случаях жертвой развода у автора становится не женщина, а какая-то своеобразная оболочка, созданная для того, чтобы рожать детей и ублажать родственников мужа. И смерть одной из женщин – этот своеобразный символ неприкаянности, который и символизирует фактически возврат еврейского народа из тьмы невежества к «שׂוֹר הַשִּׁירִים», к славе былых времен, к талмудической мудрости: «А тут прошла по переулку похоронная процессия. Те печальные похороны одиноких и неприкаянных, на которых не услышишь ни скорбных речей, ни рыданий...»

А подвела черту под этой историей одна из соседок, торговка Эстер, которая обращаясь не то к мастерской плотника, не то к зданию синагоги,

спросила: зачем же вы не убили ее сразу? Для чего потребовались еще и эти страдания? Зачем было столь долгое мучительное угасание? И закончила гневно, не пытаясь сдержать текущих из глаз слез:

- Если уж хотите рубить человеку голову, то по крайней мере отсеки сразу, единым махом!...» [1,с.257]

Тема любви в еврейской литературе XIX века звучит особенно и с каким-то надрывом, связанная с тем, что женское счастье подобно стеклу и им может распорядиться все, кто хочет. Именно такой рассказ Ицхака Дов Берковича «Марьяшка», котором девушка из простой еврейской семьи работая в богатом еврейском доме, влюбляется в учителя Левинсона, но родители считают своим долгом иначе решить ее судьбу и распоряжаются ею как хотят. Но особенным феминистским смыслом, идущим рядом с трактатом Вавилонского Талмуда «Гитин» наполнены у автора следующие строки: «Долг учителя – детей учить, долг крестьянина – землю обрабатывать, долг служанки – коров доить, пол мести, обед варить. Стало быть, в обществе служанка тоже исполняет важную роль – она трудиться! Был такой великий человек, который объяснил это всему миру – Жан Жак Руссо его звали. Однажды этот великий человек увидел как в деревенском трактире пьяница бьет девушку прислугу. Он встал на защиту бедняжки и спас ее от рук пьяных мучителей. А когда увидел, что девушка эта красива, полюбил ее и в конце концов женился на ней...» [6,с.205]

Тема трагедии еврейской женщины получает свое наивысшее развитие в рассказе Якова Штейнберга «Слепая». Трагедия заложена именно в сюжетной линии, согласно которой слепая девушка вынуждена, сама того не зная выйти замуж за могильщика старого заброшенного еврейского кладбища. Тайна раскрывается только тогда, когда она сама выходит из дома и пройдя несколько метров натывается на надгробье своей дочери: «Она тянется к колыбели, хочет дотронуться до тела – но девочки там нет. Надтреснутый вопль вырывается из горда слепой; «Израиль, где дитя!» Ответа нет. «Израиль, где дитя!»- вопит Хана, судорожно нащупывая дверь. Выскочив наружу она останавливается у порога. Светает, безветренно и тихо. Капля с крыши падает ей на лицо и она словно просыпается. Слепая наклоняет голову и слушает поле. Ей кажется, что откуда-то, издали, доносятся мужнины шаги. Она срывается с места, бросается на звук, но тут же спотыкается и встает...

Внезапно она всем телом налетает на большой валун. Привычным движением слепая протягивает руку, прикасается к нему...и вскрикнув от ужаса, догадывается, что обнимает надгробие, и только теперь узнает, наконец, где она...» [6,с.300]

Трагедия еврейской женщины становится одной из центральных тем русско-еврейской литературы второй половины XIX – начала XX века. Она движется от темы дочери раввина в рассказе Якова Штенберга «Дочь раввина» и получает свое наивысшее преломление в рассказе Шмуэля Иосифа Бердического «Двое», где в поисках любви женщина связывает свою судьбу с

не евреем, но, в конце концов, все-таки расходится с ним. Автор как бы спрашивает у нас: «Где та грань, за которой находится счастье?».

Особый отпечаток на еврейскую литературу накладывает повесть Семена Юшкевича «Ита Гайдне». Повесть «Ита Гайне» была написана Юшкевичем в 1902 году. В ней открыто и ярко показана жизнь еврейской женщины, вынужденной бросить своего годовалого ребенка и устроиться на работу кормилицей в другую семью. Ребенок подброшен в приют и в конце концов он заболел крупом. Автор изображает перед читателем картину страшного горя матери : «вцепившись зубами в подушку, она с каким-то сладострастием кричала в нее изо всех сил, как бы желая надорвать горло, легкие и сердце так, чтобы перестать чувствовать душевную боль. Как нарочно перед ее глазами в различных видах и позах стоял ее мальчик и улыбался, и манил ее ручками, такой свеженький, розовенький, гладенький, и образ его, заманчивый и ускользающий, вызывал в ней такое отчаяние, что ей хотелось разом покончить с собой, до того жизнь без него казалась ей ненужной, скучной и неинтересной» [8,с.282] И даже в конечных словах повести «Ита Гайдне» «жизнь продолжалась» чувствуется немой вопрос.

В современной израильской литературе и связанной с ней темой образа женщины намечается все больше обращения от психолого-трагической темы к теме традиционной – библейской.

Именно это мы как раз и наблюдаем в произведениях Шмуэля Иосифа Агнона. В комментариях к роману Ш.Й.Агнона «Эдо и Эйнам», над которым автор работал в разгар войны Судного дня, известная израильская исследовательница Елена Римон подчеркивала: «В имени якобы сотворенной Гинатом женщины – Гемулы – те же согласные, что и в слове «Голем» - искусственный человек, созданный с помощью магических практик Каббалы. Г.Вайс указывает в этой связи на легенду о Пигмалионе, сотворившем себе возлюбленную, и на легенды о мудрецах-чернокнижниках, с помощью магических манипуляций вызывающих к себе прекрасных женщин: Фаусте, Иосифе де ла Рена» [4, с.547]

Во главу угла в своем романе «Эдо и Эйнам» Агنون ставит образ женщины Гемулы, которая является информантом для Гината, собирающего традиции древнего эйнамского народа. Обращение к образу женщины у Агнона не является случайным, так как здесь автор выступает как наследник традиций Танаха, объединившего в себе философскую концепцию образа как женщины-пророчицы (Девора, שׁוֹפֵטִים), так и женщины-возлюбленной (שִׁיר הַשִּׁירִים). Согласно Аннону: «Чиста как луна была Гемула. Очи, словно искры, светлые, ликом подобна утренней звезде, голос нежнее вечерней тени. Когда песнь возникала на устах ее, казалось открываются небесные врата песнопений» [7, с.346].

Жизнь Гемулы подобна аду, так как больна она лунной болезнью и это убивает ее, но рядом с ней Гамзо, который говорит ей: «ты мне жена, ты мне

жена, венчана по закону Мойсея и Израиля... Тут утратила она силы и, не удержал бы ее Гамзо – упала бы.» [7, с.360]

Автор подводит нас к теории ортодоксального раввината, к смыслу о том, что женщина поддерживает жизнь во всех ее проявлениях. Гинат, записывающий за Гемулой гимны и слышащий песнь птицы Феникс, от которой погибает Гемула, умирает вместе с ней, так как традиция гимна Израиля, также как и гимна еврейского народа может вернуться только в отражении сущности жизни, в повторяющейся преемственности поколений.

Те же звуки небесной чистоты женщины мы находим и в «Фаусте» Гете. Так, в частности, Фауст восклицает, характеризуя Гретхен:

Чудовище! Не видишь, что она
В душе любовь лишь чистую лелеет:
Своею верою полна,
Той верою, которая одна
Спасение ей, - она жалеет
Как душу близкую, погибшего меня. [4, с.161]

Также как и Гретхен Гемула старается возвысить Гината, живущего верой в Бога. Возвращение от чувственного познания мира к рациональному лежит в одинаковом восприятии мира Каббалы. Имена «Гретхен» и «Гемула» начинаются с буквы «л», и при этом обращает на себя внимание трехмерность восприятия мира в возврате к Вере, Надежде, Любви. Все это в свою очередь находит выражение в романе А.Б.Иегошуа «Путешествие на край тысячелетия», в котором писатель восходит к образу Израиля как к образу Невесты: «И этот час действительно наступает. Но не в тиши грусти приходит он, а в громких звуках песнопений, ибо перед тем, как поднять якорь, и перед тем, как спустить на берег тех, кто не уходит с ними в плавание, Абд эль-Шафи закрывает уши ладонями, чтобы слышать лишь молчание своего Бога, и принимается выпевать точно муэдзин в большой танжерской мечети, слова Пророка, призывающие правоверных пасты, и молить Аллаха, превратить злые ветры в попутные, добрые...» [5, с.549]

Женская тема в еврейской литературе является одной из самых интересных так как не только подчеркивает психологизм в женском образе, но и соединяет антропологию и гносеологию в понимании мира.

Главной особенностью мира Библии является то, что она проникает во все уголки мировой культуры и становится ее основой. Сопоставительный анализ даже двух произведений не мыслим без глубокого проникновения в мировой литературный процесс, где в основе могут лежать слова русско-еврейского поэта Семена Фруга:

Внемля из тучи Святому глаголу,
Песню Свободы Израиль поет,
С теплой молитвой склоняется долу,
С верой горячей встает. [9, с.5]

Литература

1. Антология ивритской литературы, сост. Хомуталь Бар-Йосиф, Зоя Копельман. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004
2. Еврейская средневековая поэзия в Испании. – Иерусалим: библиотека-алия, 1991.
3. Галеви Иегуда. Сердце мое на востоке. – Иерусалим: библиотека-алия, 1990
4. Иоган Вольганг Гёте. Фауст. СПб, Азбука, 2000
5. Иегошуа.А.Б. Путешествие на край тысячелетия, Москва – Иерусалим, Гешарим – Мосты культуры, 2003
6. Ивритская новелла начала XX века. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2003.
7. Шмуэль Иосиф Агнон. Новеллы. Москва-Иерусалим, Гешарим - Мосты культуры, 2004
8. Юшкевич С. Еврейское счастье. - Санкт-Петербург: Северо-Запад-Пресс, 2004.
9. Фруг С.Г. Стихотворения. - СПб, б-г
10. תורה. נביאים. כתובים. הוצאת קורן ירושלים בע"מ.
11. Тора. Пророки. Писание. - Иерусалим: издательство Корен, 1999.

Анотація

У своїй статті «Жіноча тема в єврейській літературі» Бескровна О.Н. звертає увагу на традиційну у світовій культурі проблему.

Особлива увага у статті звертається на те, що у давнину жінка займала одне з провідних місць у єврейській історії та тема її зображення у єврейській літературі пов'язана з Біблією.

Автор статті показує, що жіноча тема в єврейській літературі перш за все – це психологічна тема та її трансформація у творах письменників пов'язана зі змінами у житті єврейського народу протягом тисячоліть.

Ключові слова: жінка-пророкувальниця, жінка діва Марія, життя єврейської жінки в умовах діаспори.

Аннотация

В своей статье «Женская тема в еврейской литературе» Бескровная Е.Н. обращается к традиционной для мировой культуры проблеме.

Особое внимание в статье обращается на то, что с древности женщина занимала одно из ведущих мест в еврейской истории и тема ее изображения в еврейской литературе тесно связана с Библией.

Автор статьи показывает, что женская тема в еврейской литературе - это прежде всего психологическая тема и ее трансформация в произведениях писателей связана с изменениями жизни еврейского народа на протяжении тысячелетий.

Ключевые слова: женщина-пророчица, женщина Дева Мария, жизнь еврейской женщины в условиях диаспоры.

Summary

O.Beskrovna looking in the traditionally in the World Culture problem in the article “The Woman theme in the Hebrew Literature”

We are pay attention in the fact, what in the ancient the woman had a first place in the Hebrew history and the theme her representation in the Hebrew Literature is binding with the Bible.

The author of the article is showing, what the Woman theme in the Hebrew Literature – this is the Psychology theme and his transformation in the creative works of Worlds writer is binding from the change the life of Hebrew peoples from the century.

Key words: the woman Lord Marie, the life of the Hebrew woman in the conditions of Kagal from the century.